

подробно описанную и в воспоминаниях, изданных под псевдонимом «Кубанец»; этот момент ничего особо интересного не представляет и имел лишь обостренный политический интерес в момент размолвки Кубанской рады с командованием Добр. Армии. Спорили о том, кому должна принадлежать военная верховная власть. По свидетельству Суворина, она была признана за Корниловым.

Много места отводит Суворин описанию боевых операций Добр. Армии во время корниловского похода, описывает подробно смерть Корнилова, отдельные «подвиги» участников корниловского отряда и т. п. Цель этих воспоминаний — возвеличить и украсить образ Корнилова. Но под слоем агитационной тенденциозности видны черты исторической правды. Под крыло развенчанного генерала сбегается свора темных дельцов, финансовых аферистов, политических авантюристов и тому подобной публики из мира банкиров и московских буржуев. Идею руководства находится в руках партии к.-д. Вся эта свора объявляет смертельную борьбу трудящимся, обрекая всех в жертву террору. Численно ничтожная, не встречающая поддержки и сочувствия в рядах крестьянства и казачества, она все более и более распускает крылья террора.

Ее орудием служат сбежавшие к ней офицеры, гимназисты, женщины-ударницы, кадеты и т. д., политически темные, не развитые, желающие лишь одного «порядка», — который мыслится ими в восстановлении всего, что было с царем, или, еще лучше, диктатором во главе, так как «это — сильнее царя».

С. Пионтковский.

РЫЦАРИ ТЕРНОВОГО ВЕНЦА. Воспоминания члена Госуд. Думы Л. В. Половцева о 1-м Кубанском (ледяном) походе ген. М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина. Прага. 219 стр.

В этих «воспоминаниях» одного из организаторов Добр. Армии дается история первого Кубанского похода, главным образом, описание боев, с

примерами мужества, доблести и величия участников похода и презренной низости их врагов. Этот поверхностный очерк написан крайне тенденциозно, с вполне определенным желанием не сказать лишнего. Автор говорит только лишь о хорошо известном и дает даже гораздо меньше для истории Корниловского похода, чем, например, записки Суворина. Во многих отношениях Половцев подтверждает показания Суворина. Так, он категорически утверждает, что, «получив от союзников твердое обещание оказать армии возможно скорую помощь деньгами и заручившись согласием донского атамана генерала Каледина, генерал Алексеев выработал план добровольческой организации и немедленно приступил к его выполнению» (стр. 10). Глухо указывает автор «воспоминаний», что обещали финансировать Алексеева московские и петроградские организации, называет случайно, по отдельному поводу, Гучкова, как знавшего об организации и содействовавшего ей.

Интересно вскользь брошенное сообщение о том, что заговор против новой России обсуждался Корниловым еще во время его заключения в Быховской тюрьме, из которой велись постоянные сношения с генералом Алексеевым. «Там, в Быховской тюрьме, — пишет Половцев, — обдумывались прежние ошибки и создавались новые комбинации. С генералом Алексеевым поддерживались постоянные сношения» (стр. 31).

Таких случайных обмолвок довольно много в «воспоминаниях». Они указывают на то, что автор знает очень много, но говорит об этом лишь случайно и глухо.

Самое интересное, что можно извлечь из этих «воспоминаний», это — показание автора о классовом составе корниловской армии, об ее социальной физиономии. «Половина состояла из офицеров, из лучших офицеров армии, так оскорбленных в своем достоинстве этими же солдатами».

«Нижними чинами в армии были — инженеры, адвокаты, земские и городские деятели, журналисты и, главным образом, учащая молодежь — юнкера, студенты, гимназисты и кадеты всех кадетских корпусов, откуда и пошло

название добровольцев: «кадеты»... Они были разорены и оторваны от своих семейств... У одного разорили до тла и сожгли на глазах любимое родовое гнездо—имение; у другого замучили отца, брата и всех ограбили да ниточки» (стр. 92).

Это были люди вполне определенной социальной категории. Люди, которых революция лишила их привилегированного, сытого положения.

Армия Корнилова была армией классовою, армией имущих.

Это давно известно, конечно, но это самое интересное, что есть в «воспоминаниях» Половцева,—интересное потому, что говорится и признается именно Половцевым.

Значение «воспоминаний» Половцева, как исторического источника, ничтожно. Даже историю Корниловского похода, которому посвящена вся книга, можно будет написать без них.

С. Пионтовский.

Г. КИРДЕЦОВ. У ворот Петрограда. Берлин, 1921 г. 315 стр.

Совсем неталантливый, говорят, даже неспособный Юденич стал сколачивать вокруг Петрограда небольшие части для наступления на ближайшую Советскую столицу.

Пролилась кровь у Нарвы. Стал устанавливаться фронт. Юденич стал главнокомандующим сев.-зап. фронта,—так, по крайней мере, называли его колчаковцы. А в Прибалтийском крае Юденич чувствовал себя главою правительства. Собственно «у ворот Петрограда» были налицо целых две «главы» одного и того же правительственного центра—богослов А. В. Карташов и генерал Юденич. Сочетание замечательное: богослов и полководец. Богослов мудрил, полководец правил. Вообще говоря, доля так называемой интеллигенции у белых была несладкой. Кирдецов описывает весьма характерный случай военно-полевой расправы с неким, бывшим сотрудником «Дня», Садыкером, который был расстрелян «за сочувствие большевизму».

Приютившись на окраинах, которые царское правительство держало в порабощении, эти «правители» даже и в этих условиях «ничему не научились». Вот что, например, пишет Кирдецов: «Но А. В. Карташов, Юденич, Кузьмин-Караваев (*И. В. Гессена в Политическое совещание не пускали, потому что он «жид»*)...шли на поводу у Милюкова и Сазонова, которые—первый на берегах Темзы, а второй из роскошного палатца русского посольства на Rue de Grénelle—как боги олимпийские вещали, что признание независимости Финляндии может быть дано только Учредительным Собранием, которое будет созвано *после полной победы над большевиками, в обстановке общего успокоения*; что до тех пор никакие акты об отложении той или иной окраины не будут почитаться действительными».

Хорошо, действительно, сидеть на Rue de Grénelle и не разрешать финляндской «окраине» «отложиться!» Немудрено, что финны возражали русским правителям даже на те их «теории», которыми они, довольно, впрочем, доморощено, хотели отвести внимание финских капиталистических кругов в сторону «временной стратегической необходимости» держать войска в Финляндии.

Что касается политики самой Финляндии по отношению к Антанте, то она благоразумно прислушивалась, приглядывалась, прицеливалась. Она одинаково нуждалась в расположении всех членов Антанты. Из Соединенных Штатов она получала продовольственные продукты, из Англии—фабрикаты первой необходимости, из Франции—военных инструкторов и вооружение.

Кирдецов довольно подробно останавливается на политическом международном положении Финляндии. И это весьма любопытные страницы, в них документально доказано (по вопросу об Аландских островах), насколько трудные «казусы» создавались вследствие отсутствия России. И тут же видно, насколько Российское Советское правительство уже в 1919 году было в общем и целом *de facto* признано. По крайней мере с ним считались.

Что касается чисто военных действий, то они не блистали «стратегией». И даже